УДК 316.72:81'37

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-5-15

А. Д. Палкин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия*

p-alexis@yandex.ru

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И ЯПОНЦЕВ

Анализируется восприятие образа времени в русской и японской лингвокультурах. Основным методом исследования послужил ассоциативный эксперимент. Рассматриваются три выборки: русских начала 1990-х гг., русских начала XXI в. и японцев начала XXI в. Притом что русских и японцев объединяют общечеловеческие ценности, очевидны культурные различия, проявляющиеся в ассоциативных реакциях русских и японских респондентов. Имеющийся экспериментальный материал показывает, что японцы более рачительно относятся ко времени, чем русские. Чаще о важности времени упоминают именно японцы, реже – русские начала XXI в., еще реже – русские начала 1990-х гг. Японцы склонны рассматривать вещи в долгосрочной перспективе, тогда как для русских актуальнее среднесрочная перспектива. Особенность иероглифики наводит японцев на мысль о тесной связи образов времени и пространства, тогда как русский язык прямо не указывает на такую связь. Наблюдается изменение восприятия времени в русской лингвокультуре. Русские начала 1990-х гг. потеряли ценностные ориентиры в связи с распадом Советского Союза, тогда как у русских начала XXI в. эмоциональная устойчивость восстанавливается.

Ключевые слова: время, русские, японцы, языковое сознание, образ, реакция, стимул.

В одном из предыдущих номеров «Вестника НГУ» мы рассматривали образ вечности в восприятии русских и японцев [Палкин, 2018]. Образ вечности входит составной частью в образ времени. В данной статье мы продолжим затронутую тематику и на основе ассоциативных исследований рассмотрим собственно образ времени в мировидении русских и японцев.

Ассоциативный эксперимент зарекомендовал себя как эффективный метод исследования языкового сознания. Он предоставляет исследователю возможность составить представление о мыслительных процессах за счет анализа речевых овнешнений, в данном случае ассоциативных реакций на анализируемые стимулы. В результате мы можем описывать мировидение, характерное для носителей некоторой лингвокультуры, опираясь на языковой материал.

Образ времени – крайне важный для современной действительности образ сознания, по которому мы можем судить о стратегиях поведения, характерных для представителей исследу-

Палкин А. Д. Образ времени в языковом сознании русских и японцев // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 5–15.

емых лингвокультур. Время традиционно воспринимается в связке с пространством, образуя с последним дихотомию, имеющую фундаментальное значение для философии в целом и философии жизнедеятельности в частности. Мы будем рассматривать образ времени с психолингвистических позиций, уделяя внимание тому, как манифестируются скрытые от прямого наблюдения элементы языкового сознания.

Время линейно. Оно располагается на оси «прошлое – настоящее – будущее», представляя в сознании человека как нечто, находящееся в постоянном движении.

Показательно наблюдение Н. Д. Арутюновой: «**Часы**, маркирующие длительность времени, идут вперед, из прошлого в будущее, отдаляясь от старта, а **время** событий идет в обратном направлении. Оно неминуемо *приближается, наступает*, оно как бы движется из будущего в настоящее. Пора делать что-либо (срок) *приходит и уходит, приближается и отдаляется, наступает и отступает*» [Арутюнова, 2011. С. 10].

Здесь же необходимо отметить сопоставление православного созерцания времени с физической трактовкой времени, осуществленное в работе В. И. Постоваловой [Постовалова, 2011. С. 96–97]. Постовалова отмечает, что И. Ньютон, рассматривая абсолютное и относительное время, трактовал первое как «истинно математическое», которое без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью; относительное время он рассматривал как «кажущееся», «обыденное», то есть как постигаемую чувствами внешнюю меру продолжительности, употребляемую в обыденной жизни вместо истинного математического времени. В свою очередь для православного мирозерцания, как и для религиозно-мифологического видения реальности в целом, реальное время жизненно-конкретно, «качественно озаменовано», то есть заполнено определенным качественным содержанием, и ценностно отмечено, тем самым отличаясь и от астрономического времени естествознания с его количественными характеристиками, и от «чистого» и «идеального» времени философии. В православном мирозерцании «окачественное» время единично, неомогенно и даже иногда обратимо. Такое время обладает способностью сгущаться и рассасываться. Аналогичным образом трактуется вечность как неотъемлемая категория времени [Там же. С. 99–100]. Если в философском понимании вечность есть нечто отдельно сущее и отвлеченное, для православного миропонимания это сам Бог. И если Бог живет в вечности, то эта «живая вечность» должна превосходить противопоставление движущегося времени и неподвижной, неизменной, умопостигаемой вечности ангельского мира, человеческих душ, математических истин и т. п. Живая, ипостасная Вечность есть вечное мгновение, не поддающееся никаким определениям и измерениям. Тогда как в радикальном философском видении время и вечность соотносятся как развернутое тождество, в православно-христианской мысли они характеризуются соположенностью, образуя нераздельное единство. В последнем случае единство времени и вечности проявляется в двух разнонаправленных процессах: «вторжения» вечности во время и во встречающих процессах проникновения «вертикальных сечений» времени в вечность.

Целью настоящего исследования является сравнение восприятия образа времени русскими и японцами. Тем самым мы получаем доступ к частице мировидения, присущей соответствующим лингвокультурам, и можем судить о том, насколько рационально расходуют время носители упомянутых лингвокультур.

Данная цель диктует постановку следующих задач: анализ экспериментального материала, представляющего собой ассоциативные реакции носителей русского и японского языков на стимул *время* и его русский эквивалент *jikan*; сравнение семантических полей указанных лексем на основе словарных дефиниций; разбиение соответствующих ассоциативных полей по смысловым компонентам; описание ассоциативных компонентов рассматриваемых ассоциативных полей; обобщение выводов касательно отношения русских и японцев к образу времени.

Обратимся к имеющемуся у нас исследовательскому материалу. Анализу подлежат три выборки: русских начала 1990-х гг., русских начала XXI в. и японцев начала XXI в. Материал для первой выборки взят из «Русского ассоциативного словаря» [2002]. Данные для этого словаря собирались с конца 1980-х по середину 1990-х гг., то есть применительно к респонден-

там первой выборки мы можем употреблять определение «респонденты постперестроечного периода». Испытуемыми были студенты различных российских вузов. На стимул «время» было получено по 103 реакции, при этом количество мужчин и женщин среди респондентов было примерно одинаковым. Материалом для второй выборки послужили реакции, полученные автором данной статьи в 2006 г. в ходе анкетирования преимущественно в московских и одном подмосковном вузе. Было опрошено 140 респондентов, при этом количество мужчин и женщин было одинаковым – по 70 человек. В ходе эксперимента испытуемым предъявлялся список, содержащий 113 слов-стимулов, на которые требовалось отреагировать в письменном виде первым пришедшим в голову словом. Материалом для третьей выборки послужили реакции, полученные автором в ходе аналогичного анкетирования, проведенного в 2001–2002 гг. в Осацком университете среди студентов – носителей японского языка. В анкетировании также приняли участие 140 респондентов (70 мужчин и 70 женщин). Испытуемым предъявлялся список из 120 слов-стимулов, являющихся эквивалентами слов из русского списка. Разница в количестве слов связана с тем, что ряд слов из русского списка не имели однозначного японского эквивалента, в связи с чем пришлось ввести несколько дополнительных стимулов. Русским испытуемым слова-стимулы предъявлялись на русском языке, японским – на японском.

Две серии экспериментов, проведенных в России, разделены промежутком в 15 лет. Этот промежуток является значимым, так как в России в 1990-х гг. происходили ощутимые политические и экономические пертурбации, которые не могли не повлиять на мировидение представителей русской лингвокультуры. Забегая вперед, отметим, что в ходе анализа ассоциативных полей нам удалось выявить значимые различия в отношении ко времени у носителей русской языка начала 1990-х гг., с одной стороны, и начала XXI в. – с другой. Для Японии последних десятилетий не характерны существенные потрясения, что не предполагает каких-либо изменений в языковом сознании представителей японской лингвокультуры. Таким образом, сопоставление двух русских выборок и одной японской является допустимым и валидным.

Стратегия анализа ассоциативных полей, примененная в настоящей статье, заключается в следующем. Рассмотрение каждого слова-стимула будет начинаться со сравнения семантического содержания слов, выражающих аналогичные образы в русском и японском языках. Значения японских слов приводятся по «Большому толковому словарю японского языка» [Daijirin, 1995]. Для русских дефиниций использовался «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1999]. Это делается для того, чтобы у читателей было четкое представление о семантике соответствующей лексемы, ведь семантическая структура стимула непосредственным образом влияет на содержание ассоциативных реакций.

Мы не ограничимся описанием ассоциативных полей. Каждое поле будет разбито на смысловые компоненты. Идея о разделении ассоциативного поля на смысловые компоненты была предложена в коллективной монографии «Ментальность россиян» [1997]. В данной статье используется следующий набор смысловых компонентов: логико-понятийный (знания, основанные на понятийной обработке чувственных данных), телесно-перцептивный (знания, опирающиеся непосредственно на представления о чувственно-телесной реальности), ценностно-смысловой (знания, связанные с духовными идеалами) и эмоционально-аффективный (знания, возникшие на основе субъективных переживаний). Смысловые компоненты являются составной частью сводной таблицы реакций. В табл. 1 вошли все реакции, которые набрали не менее 1,25 % (или не менее 1,5 % в округленном значении). Каждая реакция (или – при необходимости – группы реакций, выделенные по принципу семантической близости) в таблице имеет свой номер. Номер соответствует номеру в табл. 2, которая расположена непосредственно под табл. 1. Для каждого компонента и для каждой выборки в конце каждой строки таблицы в скобках приводится суммарный удельный вес всех членов данной строки.

Важно иметь в виду, что большинство реакций заключают в себе целую палитру смысловых оттенков, поэтому нередки случаи, когда семантическое содержание одной реакции так или иначе соотносится с несколькими компонентами. При атрибуции каждой реакции к определенному компоненту мы основывались на том, какой компонент в наибольшей степени соответствует семантическому содержанию реакции в связи с рассматриваемым стимулом.

При таком подходе мы не свободны от некоторой условности и субъективности, и тем не менее распределение реакций по смысловым компонентам позволяет в значительной степени упорядочить собранные нами экспериментальные данные и представить анализируемые ассоциативные поля в виде простых для восприятия схематических таблиц. Достаточно помнить, что принадлежность реакции к некоторому компоненту, как правило, не подразумевает полной тождественности семантики реакции и компонента: практически любая реакция несет в себе черты двух или более компонентов. Главное при атрибуции – какой из компонентов выражен в наибольшей степени.

После разбиения на смысловые компоненты ассоциативные поля будут сопоставлены с учетом особенностей и содержания каждого из четырех смысловых компонентов. Факты появления той или иной реакции в некотором компоненте и степень наполненности соответствующих компонентов будут соотнесены с социокультурной ситуацией в рассматриваемых лингвокультурах. Затем будут сделаны обобщающие выводы о содержании образа времени в русской и японской лингвокультурах.

Перейдем непосредственно к анализу образа времени. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова – Н. Ю. Шведовой [1999] *время* имеет большое количество трактовок: 1) одна из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи – последовательная смена её явлений и состояний; 2) продолжительность, длительность чего-нибудь, измеряемая секундами, минутами, часами; 3) промежуток той или иной длительности, в который совершается что-нибудь, последовательная смена часов, дней, лет; 4) Определенный момент, в который происходит что-нибудь; 5) период, эпоха; 6) пора дня, года; 7) подходящий, удобный срок, благоприятный момент; 8) период или момент, не занятый чем-нибудь, свободный от чего-нибудь; 9) в грамматике: категория глагола, специальными формами относящая действие в план настоящего, прошлого или будущего.

В большом толковом словаре японского языка [Daijirin, 1995] японский эквивалент лексемы «время» – *jikan* – имеет сопоставимое количество трактовок: 1) продолжительность чего-нибудь, измеряемая от одной точки до другой; 2) точка, указывающая на течение времени; 3) единица времени; 4) в школе и т. п.: время определенной продолжительности, выделенное для занятия; 5) в философии: наряду с пространством одна из основных форм материи; 6) в физике: переменная, описывающая продолжительность протекания природных явлений.

Мы видим, что в основных своих семемах образы времени в русском и японском языках совпадают. Тем интереснее проследить возможные расхождения в языковом сознании носителей русского и японского языков. Именно для этого и были проведены ассоциативные эксперименты, которые позволили сформировать соответствующие ассоциативные поля.

В ходе сравнения ассоциативных полей *время* и *jikan* обращает на себя внимание тот факт, что самая частотная реакция совпадает в японской и второй русской выборках, где на слово *часы* приходятся 13 % и 17,5 % соответственно. Часы как прибор, показывающий время, – вполне ожидаемая реакция. У русских начала 1990-х гг. данная реакция набирает только 5 %. Это объясняется обилием клише в соответствующем ассоциативном поле, что не характерно для двух других полей. Так, в ядро первого русского ассоциативного поля входят реакции *деньги* (13,5 %), *вперед* (5 %), *не ждет* (5 %) и *программа* (4 %). «Время – деньги», – известная поговорка. «Время вперед» и «время не ждет» – известные слоганы времен перестройки, которые в начале 1990-х гг. оставались на слуху; реакция *программа* отсылает нас к самой известной новостной передаче советского и российского телевидения. Через 15 лет в числе повторяющихся реакций из этого списка остаются *деньги* (9 %) и *не ждет* (2 %). В японской выборке *деньги* набирают 4,5 %, что свидетельствует о наличии связки «время – деньги» и в японской лингвокультуре.

Исключительно для японского ассоциативного поля характерны реакции *нет* (8,5 %) и *важно* (6,5 %). Интенсивная работа, которая является визитной карточкой японского образа жизни, заставляет японцев ценить время и вынуждает их жаловаться на отсутствие свободного времени. Русские начала 1990-х гг. таких проблем не знают, а в начале XXI в. уже 2,5 % респондентов заявляют о том, что времени им *не хватает*, то есть постепенно и русским стала приходить

мысль о необходимости упорного труда, предполагающего нехватку времени, однако таких все равно меньшинство.

Ожидаемо мировидение русских и японцев объединено общечеловеческими ценностями. В данном случае мы наблюдаем это явление и на примере вышеупомянутой реакции *часы*, и на примере реакции *пространство*, которая возводит время в разряд философских категорий. В японской выборке данная реакция набирает 6,5 %, в первой русской выборке – 2 %, во второй русской выборке на философский лад наводят реакции *бесконечность* (3 %) и *вечность* (2 %).

Еще одна реакция – *течет* – объединяет все три выборки с показателями 3,5 %, 2 и 1,5 % соответственно. Устойчивое выражение «время течет» фигурирует в обеих лингвокультурах.

Среди других глаголов следует отметить *проходит* (5,5 %), *тратить*, *прожигать*, *занимать* (все – по 1,5 %) в японской выборке; *бежит*, *пришло* (оба – по 4 %), *идет* (3 %), *летит* (2 %) в первой русской выборке; *бежит* (3 %), *идет*, *летит* (оба – по 2 %) во второй русской выборке. Русские нередко отмечают скоротечность времени, которое им не всегда удается расходовать эффективно; японцы отмечают плавное течение времени, при этом оговариваясь, что возможно прожигание времени.

Также стоит отметить реакцию *песок*: 1,5 % в японской выборке и 5,5 % во второй русской выборке. В обеих выборках прослеживается ассоциирование времени с сыпучестью, «текучестью» песка. Тема текучести объединяет две упомянутые выборки и в случае с двумя другими реакциями: собственно *течение* (2 %) в японской выборке и *река* (3 %) в русской выборке.

Японцы проявили знание художественной литературы: реакция *Момо* (2 %) указывает на героиню одноименного романа Михаэля Энде, которая, по сюжету, спасает людей от похитителей времени. Русские респонденты в данном случае никак не проявили своих литературных пристрастий. В первой русской выборке обращает на себя внимание реакция «телевизор», видимо, в связи с программой «Время». Респондентов второй русской выборки уже не интересует эта программа.

Перейдем к рассмотрению смысловых компонентов всех трех ассоциативных полей.

Таблица 1

Разбиение ассоциативных полей *время* и *jikan* по смысловым компонентам

Логико-понятийный компонент	
Я	1; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 14; 16; 19 (47 %)
P1	1; 2; 5; 8; 10; 12; 13 (35,5 %)
P2	1; 2; 5; 8; 9; 11 (37 %)
Ценностно-смысловой компонент	
Я	2; 3; 12; 13; 17; 18 (24 %)
P1	
P2	4; 10; 12; 15 (10 %)
Телесно-перцептивный компонент	
Я	15 (1,5 %)
P1	6; 7; 9; 11; 14 (15 %)
P2	3; 6; 7; 13; 14; 18 (17 %)
Эмоционально-аффективный компонент	
Я	11 (2 %)
P1	3; 4 (10 %)
P2	16; 17 (3,5 %)

Таблица 2

Расшифровка нумерации групп реакций,
выделенных по принципу семантической близости

Я (реакции японцев)	P1 (реакции русских из РАС)	P2 (реакции русских 2006 г.)
1: 時計/часы (13 %) 2: ない/нет + 足りない/не хватает (8,5 % + 0,5 % = 9 %) 3: 大切 + 大事 + 大切なもの + 大切に/важно + + 貴重/ценно (6,5 % + 0,5 % + 0,5 % + 0,5 % = 8,5 %) 4: 空間/пространство (6,5 %) 5: すぎる + すぎていく + + たつ/проходит (4,5 % + 0,5 % + 0,5 % = 5,5 %) 6: 金/деньги (4,5 %) 7: 長い/долгое (4,5 %) 8: 流れる/течет (3,5 %) 9: 短い/короткое (3 %) 10: 流/течение (2 %) 11: モモ/Момо (2 %) 12: 欲しい/хочу (2 %) 13: 浪費/трата (1,5 %) 14: 存在/существование (1,5 %) 15: 砂/песок (1,5 %) 16: 悠久/вечность (1,5 %) 17: 費やす/тратить (1,5 %) 18: つぶす/прожигать (1,5 %) 19: かかる/занимать (1,5 %)	1: деньги (13,5 %) 2: программа + передача + + программа «Время» + + телевизионная программа = (4 % + 1 % + 1 % + 1 % = 7 %) 3: вперед (5 %) 4: не ждет (5 %) 5: часы (5 %) 6: бежит (4 %) 7: пришло (4 %) 8: года (3 %) 9: идет (3 %) 10: телевизор (3 %) 11: летит (2 %) 12: московское (2 %) 13: пространство (2 %) 14: течет (2 %)	1: часы (17,5 %) 2: деньги (9 %) 3: песок (5,5 %) 4: мало (3,5 %) 5: бесконечность (3 %) 6: бежит (3 %) 7: река (3 %) 8: час (3 %) 9: быстрое + быстро + + скоротечно (1,5 % + 0,5 % + 0,5 % = 2,5 %) 10: не хватает + его не хватает (2 % + 0,5 % = 2,5 %) 11: вечность (2 %) 12: жизнь (2 %) 13: идет (2 %) 14: летит (2 %) 15: много (2 %) 16: не ждет (2 %) 17: бремя (1,5 %) 18: течет (1,5 %)

В части логико-понятийного компонента процентные показатели для всех выборок близки друг к другу. Представители обеих лингвокультур подчеркивают связь времени и денег. Для японцев она менее очевидна в силу яркой выраженности ценностно-смысловой составляющей. Первая русская выборка отличается от двух других сравнительно низким показателем реакции *часы* в силу ярко выраженной эмоционально-аффективной составляющей.

Японцы в большей степени, чем русские, склонны задумываться о высоких материях: 6,5 % набирает реакция *пространство* и 1,5 % – реакция *вечность*. Высокий процентный показатель реакции *пространство* можно объяснить тем, что иероглиф 間 фигурирует и в стимуле 時間 («время»), и в реакции 空間 («пространство»). Получается, что сам язык подталкивает японцев к соположению времени и пространства. При этом следует отдавать себе отчет в том, что соответствующие иероглифические образы всплывают в сознании японца в процессе организации как письменной, так и устной речи. Что касается русских ассоциативных полей, то в первой русской выборке обнаруживаем 2 %, пришедшиеся на реакцию *пространство*, а во второй русской выборке 2 % приходятся на реакцию *вечность*, что в любом случае заметно меньше 6,5 % из японской выборки. Между тем бескрайние просторы России издавна определяли

мировидение носителей русской лингвокультуры и настраивали их на философский лад. Вот что пишет по этому поводу А. А. Коринфский: «Земная жизнь представляется воображению народа-пахаря неоглядной нивой, по которой, сменяя одна другую, проходят толпы сеятелей. Засевают они запаханную предшественниками ниву, а сами все идут и идут вперед, скрываясь с глаз все надвигающихся и надвигающихся новых сеятелей... Многое множество сказаний сложилось в народе про эту даль – сказаний, причудливой вязью переплетших христианские откровения с преданиями суеверной старины» [Коринфский, 1994. С. 531]. Изложенный взгляд на мир не получает однозначного подтверждения в полученных нами экспериментальных данных. Тот факт, что реакции *пространство* и *вечность* обнаруживаются только на периферии русских ассоциативных полей, свидетельствует о постепенной утрате русскими означенного архетипа, хотя о полном его исчезновении на текущем этапе говорить не приходится.

Японцы воспринимают время и как *долгое* (4,5 %), и как *короткое* (3 %); русские начала XXI в. – как *быстрое* (1,5 %), а русские начала 1990-х гг. традиционно предпочитают клише – *московское* (2 %).

Интересно расположились по выборкам маркеры времени. Японцы упоминают *существование* (1,5 %) как мерило времени; русские начала 1990-х гг. предлагают среднесрочную перспективу: время *года* (3 %); русские начала XXI в. колеблются между набравшими по 3 % реакциями *час* (малая продолжительность) и *бесконечность* (максимальная продолжительность). Здесь философский подход японцев контрастирует с недалёковидностью русских постперестроечного периода и расколотостью русского языкового сознания начала XXI в. Касательно последнего пункта удачно высказалась М. Б. Красильникова: «Утверждаемая постмодерном “постыстория” декларирует отказ от линейного видения социальной динамики, отказ от любых “смыслов” истории, от ее целостности. Эти установки оказались созвучными ситуации “разрыва” истории... Прошлое перестало быть понятным и стало предметом противоречивых интерпретаций. “Распавшаяся” история базируется на “распавшемся” времени, где не работает ни линейная, ни циклическая модель» [Красильникова, 2014. С. 17].

Обратимся к ценностно-смысловому компоненту, который красноречиво показывает, как ценят время русские и японцы. Совершенно очевидно, что для японцев ценность времени велика: многие из них жалуются на его отсутствие, к тому же фигурирует реакция *хочу* (2 %), при этом критические замечания о возможности *тратить* и *прожигать* время только усиливают важность этого образа для носителей японской лингвокультуры. Русские начала 1990-х гг. никак не демонстрируют пиетета перед образом времени, что можно объяснить только культурным шоком, когда старые идеалы были разрушены, а новые еще не были выработаны, в результате чего произошла девальвация многих ценностей. К началу XXI в. наблюдается рост значимости времени в языковом сознании русских, однако единство мнений отсутствует: кому-то времени *много* (2 %), а кому-то его *мало* (3,5 %) или *не хватает* (2,5 %). Отметим, что на нехватку времени русские начала XXI в. жалуются заметно чаще, что свидетельствует об их возросшей готовности созидать. Реакция *жизнь* (2 %) из той же второй русской выборки – показатель роста ценности человеческой жизни.

Телесно-перцептивный компонент не менее интересен. Известно о преимущественно зрительном восприятии мира японцами. Д. Г. Главева подчеркивает, что традиционную японскую культуру «можно определить как “близорукую” и “интровертную”, имея в виду, что она (в противоположность культурам “дальнозорким” – российской, например) осваивает прежде всего ближнее, “околотелесное” пространство. Размеры этого пространства определяются взглядом, визуальными возможностями человека» [Главева, 2003. С. 8]. На образ времени это правило распространяется. Единственная японская реакция, вошедшая в рассматриваемый компонент, – *песок* – набирает только 1,5 %. Образ песка выражает «осязаемую» текучесть времени, в связи с чем и был отнесен к данному компоненту. Остальные повторяющиеся глаголы из японской выборки практически не несут в себе телесно-перцептивной составляющей, поэтому были отнесены к другим компонентам. В свою очередь, глаголы из русских выборок вписываются именно в данный компонент, что предопределило заметное превосходство удельного веса русских реакций по телесно-перцептивному компоненту.

Показательно, что перечень глаголов движения в русском языковом сознании за пятнадцатилетний промежуток практически не изменился: *бежит, идет, летит, течет*, причем по сути неизменными остались и процентные показатели для перечисленных глаголов.

Два существенных различия между русскими выборками в данном случае – *песок* и *река* из второй русской выборки, набравшие 5,5 % и 3 % соответственно. Они не лишены логико-понятийной составляющей, но в контексте образа времени сыпучесть песка подразумевает тактильный контакт (ср. использование песочных часов). Та же логика применима и к реакции *река* в связи с ее текучестью и осязаемостью. Метафорически данные образы указывают на тактильное восприятие времени, которое в физической природе невозможно.

Наконец, эмоционально-эффективный компонент являет собой свидетельство повышенного уровня эмоциональной напряженности у русских постперестроечного периода. Мы рассматриваем понятие эмоциональной напряженности в русле индивидуальной психологии, где используется также синонимичное понятие психологической напряженности. Оно дефинируется как «психическое состояние, обусловленное предвосхищением неблагоприятного для субъекта развития событий; она сопровождается ощущением общего дискомфорта, тревоги, иногда страха, однако, в отличие от тревоги, включает в себя готовность овладеть ситуацией, действовать определенным образом» [Психология, 1990. С. 230]. Какие действия предполагаются в ситуации эмоциональной напряженности? В первую очередь речь идет о защите от ожидаемого негативного развития событий, о стремлении избежать неблагоприятных ситуаций. В случае частого повторения подобных состояний психика индивидуума подвергается избыточному стрессу, который тормозит многие естественные психические процессы мыследеятельности. В первой русской выборке синтагматические реакции *вперед* и *не ждет* (по 5 %) по своему совокупному удельному весу явно превосходят соответствующие реакции из двух других выборок, при этом данные реакции являются минимально информативными с точки зрения содержания, так как имеют в виду популярные в то время слоганы. Из подобных реакций невозможно заключить, как предложившие их респонденты относятся к образу времени. Это означает, что готовность выносить оценку у данных респондентов отсутствует. Отсутствует она по причине эмоциональной опустошенности и потери ориентиров, что было распространенным явлением в начале 1990-х гг. в эпоху слома идеологий и доктрин. Как видим, даже полные жизненной энергии студенты вузов, выступившие респондентами в ходе ассоциативного исследования, были подвержены этому явлению. Нельзя не согласиться с И. В. Кондаковым: «Все оценки и интерпретации поменялись, перепутались, сдвинулись с привычных традиционных мест. Всеобщая переоценка ценностей коснулась не только социальных и политических сторон жизни, но и нравственности, художественной культуры, в том числе и недавнего, и более отдаленного творчества» [Кондаков, 2007. С. 311]. Во второй русской выборке среди повторяющихся реакций обнаруживаем только *не ждет* с 2 %. Ей рядопологается реакция *бремя* (1,5 %), которая является рифмой к стимулу. Следовательно, в начале XXI в. эмоциональная напряженность у русских сохранилась, но, если судить по процентным показателям, она заметно ниже, чем в период распада Советского Союза.

Что касается японской выборки, то о повышенной эмоциональной напряженности речи не идет. В эмоционально-аффективный компонент вошла единственная реакция *Мамо* (2 %), которая уже обсуждалась выше. Она была отнесена к данному компоненту по той причине, что отражает литературные пристрастия японских респондентов, предполагающие эмоциональную вовлеченность.

На языковое сознание японцев по-прежнему накладывает отпечаток философия дзэн-буддизма, хотя ее влияние на текущий период не столь существенно, как несколько веков назад. Тем не менее до сих пор не потеряло актуальности утверждение Д. Судзуки о том, что «дзэн не знает времени, и поэтому для дзэн не существует ни начала, ни конца мира» [Судзуки, 2003. С. 187]. Религиозные идеи дзэн, хотя и потеряли в популярности, по-прежнему передаются в Японии из поколения в поколение через изучение традиционных искусств и обычаев, таких как икэбана, каллиграфия, чайная церемония, театры Но, кабуки и бунраку, различные боевые искусства. Все эти виды деятельности имеют налет мистичности, поэтому несут в себе атмос-

феру таинственности и возвышенности. Тем самым японец, как и многочисленные его предки, учится взирать на окружающий мир через призму правил и ограничений, продиктованных философией безмятежности. Все это способствует тому, что среднестатистический японец относится ко времени прагматично и без чрезмерных эмоций.

Прежде чем переходить к выводам, обсудим проблему возрастной вариативности. Как показала Е. Б. Чернышова [2015], существуют различия в ассоциативных реакциях школьников и студентов на одни и те же стимулы. Возрастная вариативность действительно присутствует, особенно если сравнивать реакции детей и взрослых. Респондентами нашего исследования выступают студенты, которых следует отнести к взрослым. Мы экстраполируем мировидение студентов на мировидение взрослых носителей языка. Следует признать, что мировидение студентов с высокой степенью вероятности будет отличаться от мировидения, например, пенсионеров, но и те, и другие все равно являются взрослыми носителями данного конкретного языка, по каковой причине, анализируя ассоциативные поля, составленные из реакций студентов, мы говорим о языковой картине мира русских и японцев соответственно. *Mutatis mutandis* языковая картина мира русских студентов сближается с языковой картиной мира русских в целом в большей степени, чем с языковой картиной мира японцев в целом. Тем самым нам представляется валидной экстраполяция данных, полученных от студентов, на всех носителей языка. Разумеется, если мы зададимся целью проследить возрастную вариативность, мы ее обнаружим, но общие тенденции, характерные для данного конкретного языка, как мы предполагаем, будут сохраняться в любом возрасте. Данная проблема сама по себе является крайне интересной и нуждается в специальном изучении экспериментальными средствами.

Проведенный анализ образа времени в языковом сознании русских и японцев показал, что японцы ценят время в большей степени, чем русские. Это объясняется большей интенсивностью ритма жизни в Японии, привычкой работать или учиться в напряженном режиме. Отголоски философии дзэн позволяют японцам справляться с таким ритмом, не испытывая чрезмерного стресса в эпоху научно-технической революции. Привычка трудиться и учиться в напряженном ритме начинает вырабатываться и у русских начала XXI в., что отличает их от русских постперестроечного периода: на нехватку времени жаловались только респонденты японской и второй русской выборок.

Присутствие одного и того же иероглифа в японских словах, обозначающих время и пространство, «подталкивает» японцев к мысли о соположенности соответствующих образов, обеспечивая семантемам «время» и «пространство» тесную связь в ассоциативно-вербальной сети. Мы предполагаем, что обнаруженная связь этих образов бытует как в письменной, так и в устной речи, поскольку устная форма языка реализуется с опорой на письменную форму. Японский язык – яркий тому пример. Автору данной статьи не раз случалось наблюдать ситуации, когда японцы в ходе устного общения друг с другом для достижения максимального понимания сталкивались с необходимостью объяснять, как пишется то или иное слово. Меньшая выраженность такой связи в русских выборках объясняется в том числе отсутствием схожести слов «время» и «пространство» в графическом плане. Интересен и взгляд респондентов в будущее: японцы склонны к планированию в долгосрочной перспективе, тогда как для русских перспектива времени скорее среднесрочная.

Первая русская выборка изобилует клише, что свидетельствует о потере ценностных ориентиров в условиях стремительных изменений общественных устоев. К началу XXI в. русские демонстрируют меньшую эмоциональную напряженность, что говорит о том, что «культурный шок» постепенно сходит на нет. В данном случае можно говорить и о перестройке ценностной парадигмы, сопровождающейся выработкой нового культурного кода.

Все три выборки объединяются универсальными знаниями о свойствах времени. В ядра всех ассоциативных полей входят реакции *деньги* и *часы*. Образ времени более эмоционально воспринимается русскими респондентами обоих периодов, тогда как японцы относятся к нему в большей степени прагматично.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Будущее в языке // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 6–11.
- Главева Д. Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М.: Вост. лит., 2003. 264 с.
- Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М.: КДУ, 2007. 360 с.
- Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: Московский рабочий, 1994. 560 с.
- Красильникова М. Б. Концепция времени в исторической динамике русской культуры // Вестник Кем. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. №27. С. 13–17.
- Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И. Г. Дубова. М.: Имидж-контакт, 1997. 478 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 939 с.
- Палкин А. Д. Образ вечности в русской и японской лингвокультурах // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, вып. 1. С. 41–48.
- Постовалова В. И. Время и вечность в православном мирозерцании // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 94–109.
- Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
- Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: АСТ, Астрель, 2002. 782 с.
- Судзуки Д. Дзэн и японская культура. Спб.: Наука, 2003. 524 с.
- Чернышова Е. Б. Возрастная вариативность оценочной зоны ядра русского языкового сознания // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 15–21.
- Daijirin (1995). Tokyo: Sanseido. (In Japanese.)

Материал поступил в редколлегию 25.06.2018

Alexei D. Palkin

*National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation*

p-alexis@yandex.ru

IMAGE OF TIME IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS AND THE JAPANESE

Perception of the image of time in Russian and Japanese linguocultures is analysed. An association experiment has become the main experimental method. Three samplings are under consideration: that of Russians of the early 1990s, that of Russians of the early 21st century, and that of the Japanese of the early 21st century. Russians and the Japanese share general human values, but cultural differences stand out in association reactions of Russian and Japanese respondents. The experimental material available shows that the Japanese are more time-conscious than Russians. The Japanese tend to consider things in a long-term perspective, while for Russians a medium-term perspective is more urgent. The specificity of hieroglyphs leads the Japanese to perceiving a close connection between time and space, while the Russian language does not provide clues of the kind, which results in fewer

reactions indicating space in Russian samplings. The paper argues that the perception of time image has altered in the Russian linguoculture recently. Russians of the early 1990s lost their axiological targets in the turmoil of the Soviet Union collapse, which is not characteristic of the 21st century Russians, who started to regain their emotional stability.

Keywords: perception of time, Russians, the Japanese, language consciousness, image, reaction, stimulus.

References

Arutiunova N. D. Budushchee v yazyke [Future in language] // N. D. Arutiunova (ed.), *Lingvofuturizm. Vzgliad yazyka v budushchee* [Linguistic Futurism. Language Gazing the Future]. Moscow, Indrik, 2011. Pp. 6–11. (In Russ.)

Glaveva D. G. Traditsionnaya yaponskaya kul'tura: Spetsifika mirovospriyatiya [Traditional Japanese Culture: World Perception Specificity]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2003. (In Russ.)

Kondakov I. V. Kul'tura Rossii: kratkiy ocherk istorii i teorii [Culture of Russia: Brief Overview of History and Theory]. Moscow, KDU, 2007. (In Russ.)

Korinfskiy A. A. Narodnaya Rus': Kruglyi god skazaniy, poveriy, obychaev i poslovits russkogo naroda [People's Rus: The Year Round of Folk Tales, Legends, Customs and Proverbs of Russian Nation]. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1994. (In Russ.)

Krasil'nikova, M. B. Kontsepsiya vremeni v istoricheskoy dinamike russkoy kul'tury [Concept of time in historical dynamics of Russian culture] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2014, No. 27, p. 13–17. (In Russ.)

Mental'nost' rossiyan (Spetsifika soznaniya bol'shikh grupp naseleniya Rossii) [Mentality of Russians (Specificity of Consciousness of Big Groups of Russia's population)] / Dubov I. G. (ed.). Moscow, Imidzh-kontakt, 1997. (In Russ.)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Russian Definition Dictionary]. Moscow, Azbukovnik, 1999. (In Russ.)

Palkin A. D. Obraz vechnosti v russkoy i yaponskoy lingvokulturakh [Image of eternity in Russian and Japanese linguocultures]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2018, vol. 16, issue 1, p. 41–48. (In Russ.)

Postovalova V. I. Vremia i vechnost' v pravoslavnom mirosozertsanii [Time and eternity in Orthodox world outlook] // N. D. Arutiunova (ed.), *Lingvofuturizm. Vzgliad yazyka v budushchee* [Linguistic Futurism. Language Gazing the Future]. Moscow, Indrik, 2011. P. 94–109.

Psikhologiya. Slovar' [Psychology. Dictionary]. Ed. by A.V. Petrovsky and M. G. Yaroshevsky. Moscow: Politizdat, 1990. (In Russ.)

Russkiy assotsiativnyi slovar'. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktsii [Russian Associations Dictionary. In 2 v. V. 1. From Stimulus to Reaction] / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, Ye. F. Tarasov. Moscow, AST, Astrel', 2002. (In Russ.)

Suzuki D. Dzen i yaponskaya kul'tura [Zen and Japanese Culture]. Saint-Petersburg: Nauka, 2003. (Transl. into Russ.)

Chernyshova Ye. B. Vozrastnaya variativnost' otsenочноy zony yadra russkogo yazykovogo soznaniya [Age variability of the evaluative zone of the Russian language consciousness core]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2015, vol. 13, issue 4, p. 15–21. (In Russ.)

Daijirin. Tokyo, Sanseido, 1995. (In Jap.)